

Такое построение позволяет автору показать большинство обрядов, которыми надлежит руководствоваться жителю Кисараванды. Охвачены все основные вехи жизни человека: приготовления к родам, роды, воспитание, женитьба и, наконец, похороны — и все это сопровождается описанием определенных ритуалов и сопутствующих им песен и традиционных наставлений. Близость языка валангва к языку суахили позволяет автору дать хороший и близкий перевод песен валангва на суахили, сохранив при этом ритм и мелодику оригинала. В целом ряде случаев Нквера приводит нотные записи некоторых песенных мелодий. Можно спорить, насколько правильно в нотной записи отражена специфика африканских традиционных мелодий, но сами примеры представляют значительный интерес.

Герой книги — сын знахаря и сам будущий знахарь. Знахарство, жертвоприношения, обряды, вызывание дождя и пр. описаны реалистично, живо, как неотъемлемая часть в укладе жизни Кисараванды.

Герои книги вымышлены, селения Кисараванда на карте Объединенной Республики Танзания не существует, но обычаи, описываемые автором в произведении, реальные, не выдуманы. Это обычаи родного племени автора — валангва.

События, изображенные автором, могли, по его словам, произойти лет 50 назад. Жизнь современной африканской деревни во многом изменилась за это время. К сожалению, автор не дает ответа на вопрос о том, что ушло в прошлое, а что и сейчас продолжает оказывать влияние на жизнь африканской деревни. Для него, как и для некоторых других представителей интеллигенции африканских стран характерно отсутствие историчности в показе той или иной стороны жизни африканского общества, идеализация прошлого. Однако благодаря реалистичности списания различных сторон жизни видно, что и в эти «абстрактные» времена не все было идеально в жизни валангва: существовали бедные и богатые, добрые и злые, трудолюбивые и лентяи.

Книгу Ф. Нкверы условно можно назвать этнографическим романом, переходной ступенью от чисто этнографического описания к художественному произведению. С первым ее связывает большое количество этнографических деталей, со вторым — наличие фабулы, героя, а также художественный язык повествования. В связи с этим книга Ф. Нкверы интересна и для этнографов, и для читателей, интересующихся художественной литературой стран Восточной экваториальной Африки.

Н. М. Гиренко

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Friedly mission. The Tasmanian journals and papers of George Augustus Robinson, 1829—1834. Ed. by N. J. B. Plomley. Tasmanian Historical Research Association, 1966, 1074 p.

Тасманийцы — коренное население острова, открытого Тасманом в 1642 г. — издавна привлекали и долго еще будут привлекать внимание исследователей. Научное значение тасманийского этнографического материала для реконструкции общей истории культуры и общественных форм необычайно велико и сохраняет все свое значение до сих пор.

Трагично сложилась судьба этого маленького народа, стертого с лица земли английскими колонизаторами еще в XIX в. По-настоящему изучать его начали тогда когда фактически изучать стало почти уже некого. Наряду с австралийцами и некоторыми другими отсталыми народами, тасманийцы вошли в общие труды по истории культуры и этнографические хрестоматии как типичные представители одной из ранних стадий социально-экономического и культурного развития палеолитической, даже не поздней, а средне- и раннепалеолитической. О них говорили как о самом первобытном народе мира. Такое представление встречается иногда и в наши дни¹.

Тем очевиднее актуальность каждой новой серьезной работы о тасманийцах. Серьезное исследование нуждается в доброкачественных источниках. Необходимость в таких материалах особенно ощутима, когда речь идет о тасманийцах — народе, которого больше не существует.

В 1869 г. умер Уильям Лэнни, последний тасманиец, а спустя семь лет, в 1876 г., умерла Труганина, или Лалла Рук, которую называют «последней тасманийкой»². Таким образом, этот несчастный народ в конце XIX в. перестал существовать, чему во многом способствовало систематическое истребление тасманийцев в печально известной «Черной войне», а затем депортация жалких остатков коренного населения за

¹ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, М., 1959. См. рецензию на эту книгу в журнале «Сов. этнография», 1962, № 2 и ответ автора в журн. «Вопросы истории», 1963, № 4.

² Недавно стало известно, что последняя тасманийка, по имени Фанни Смит, умерла в 1905 г.

пределы острова. В посвященных тасманийцам обобщающих трудах того времени, даже лучших из них, например в классических книгах Г. Линг-Рота и Дж. Бонвика, остаются белые пятна, которые удастся лишь частично заполнить с помощью записок современников. Вот почему свидетельства очевидцев, наблюдавших традиционный образ жизни тасманийцев, близко соприкасавшихся с ними, имеют сегодня величайшую ценность. Поэтому нельзя не приветствовать публикацию каждого нового источника, проливающего свет на образ жизни, общественные отношения, культуру этого исчезнувшего ныне народа. Рецензируемая книга относится к числу таких источников и по своему значению превосходит все, что появилось до сих пор.

Перед нами — дневники и записки Джорджа Робинсона, официального «умиротворителя» аборигенов Тасмании, чья задача состояла в том, чтобы собрать, а затем удалить с острова остатки разгромленных в «Черной войне» племен. Эти ценнейшие материалы (раньше известные только частично, в пересказе других авторов), благодаря Н. Пломли, редактору книги, подготовившему их к печати, снабдившему книгу введением, примечаниями, обширным и разнообразным научным аппаратом, стали теперь доступны и широкому читателю, и специалистам в разных странах.

Во вступительной статье рассказано о жизни и деятельности Дж. Робинсона, который вступил в общение с аборигенами Тасмании в 1829 г., когда он был направлен правительством колонии на о. Бруни у южного побережья Тасмании, чтобы учредить там резервацию для аборигенов. Сам он относился к туземцам сочувственно. Выходец из трудовой английской семьи, Дж. Робинсон не получил хорошего образования, но много читал и был любознательным человеком. Его дневники насыщены большим количеством разнообразных сведений о стране и ее коренном населении. Введение содержит также общие сведения о тасманийцах, о колонизации острова европейцами, а также объективный рассказ о трагических событиях, предшествовавших назначению Робинсона на пост, занимая который он должен был найти в самых удаленных частях Тасмании тех аборигенов, которым удалось пережить «Черную войну», и вывезти их на о. Бруни, а позднее на о. Флиндерс.

Во вступительной статье и в одном из приложений к книге, автором которых, очевидно, является Н. Пломли, рассмотрены главные причины исчезновения тасманийцев, а именно: 1) заразные болезни, занесенные европейцами, 2) захват колонистами племенных охотничьих территорий и других областей, где аборигены добывали пищу, 3) истребление аборигенов, особенно тюленепромышленниками, скотоводами и разбойниками, 4) захват туземных женщин и обращение их в наложниц и рабынь, 5) разрушение племенной жизни в итоге всех перечисленных выше причин, 6) отсутствие «регулируемого» законами или предписаниями общения с европейским населением. Здесь все справедливо, кроме одного: почему-то забыта одна из главных виновниц истребления тасманийцев — колониальная администрация и ее вооруженные силы. Что же касается отсутствия «регулирования» общения с европейцами, хотелось бы возразить на это словами самого Пломли: «Когда вступал в действие закон, это всегда бывало не в пользу туземцев; на деле не справедливость обеспечивал закон, а безопасность тех, кто нападал на аборигенов» (стр. 25).

Основная часть обширной книги состоит из дневников Робинсона, содержащих подробнейший, день за днем, отчет о его деятельности на о. Бруни и о нескольких его экспедициях к еще сохранившимся в разных местах Тасмании группам аборигенов. Эти экспедиции продолжались до 1834 г. — года окончания «Черной войны». Шесть лет своей жизни (с короткими перерывами) Робинсон провел среди аборигенов Тасмании. Позже он был комендантом о. Флиндерс и протектором аборигенов Порт-Филиппа, но этот период его деятельности не нашел отражения в его дневниках, вошедших в настоящее издание.

В приложениях наибольший интерес представляет список племен аборигенов Тасмании, упомянутых в дневниках Робинсона. Согласно ранним сообщениям, основной общественной единицей у тасманийцев была небольшая группа семей, обычно живущих вместе. По данным Робинсона, группы эти обитали в пределах принадлежащих им территорий. Робинсон называет такие группы «племенами» или «нациями», пользуясь этими терминами как синонимами. В этом случае он поступает так же, как и многие другие авторы того времени, писавшие о коренных тасманийцах и австралийцах. Как правило, во всех этих сочинениях не проводится четкой границы между племенем, т. е. совокупностью локальных групп, или локальной группой, состоящей из нескольких семей и хозяйствующей в границах определенной территории, которая является, в свою очередь, частью более обширной племенной области. Незавестно, была ли та общность, которую Робинсон называет племенем, единой группой семей: в этом случае, видимо, правильнее говорить не о племени, а о локальной группе. Возможно, что эта общность состояла из нескольких более или менее независимых групп, обитавших в границах определенной области, но живущих и добывающих пищу порознь. Тем не менее, следуя Робинсону, автор приложения называет все упоминаемые им «племена» и «нации» — племенами и показывает их размещение на карте Тасмании. Разумеется, и список, и карта не отражают полной картины, не дают представления о всех племенах и их подразделениях, но и в таком виде они являются все же ценным источником информации.

Наиболее интересны, конечно, сами дневники Робинсона. Мы находим здесь сведения о численности тасманийцев (в этом вопросе мнения различных авторов силь-

но расходятся), данные о социальной организации тасманийского общества, о численности общин, сезонных миграциях, о разделении труда между мужчинами и женщинами — совершенно таким же, как у австралийцев, многочисленные сведения о материальной культуре аборигенов.

Заслуживают внимания, при всей их отрывочности, и сведения о верованиях и обрядах тасманийцев. Оценивая эти данные, следует учесть, что духовная культура тасманийцев известна, пожалуй, хуже всего. Так, в разных местах книги мы встречаем сообщения о прорицателях шаманского типа (Робинсон называет их, вероятно, не совсем точно, «вождями»), которые предсказывают в состоянии транса (стр. 397, 413, 528, 542). Это показывает, между прочим, что истоки шаманской практики заложены уже в деятельности первобытных колдунов и знахарей. Вообще многое заставляет думать, что религиозно-культурная жизнь тасманийцев была вовсе не столь элементарна, как это представлялось и представляется до сих пор некоторым авторам.

Очень интересны сообщения об изобразительном искусстве тасманийцев, о рисунках на сделанных из коры стенах хижин (рисуют на стенах хижин и австралийцы), на скалах и на телах самих аборигенов. В одних случаях тасманийцы пытались реалистически изобразить людей и различные явления окружающего мира, в других, символических рисунках, как и в некоторых рисунках австралийцев, вероятно, были зашифрованы элементы мифологии.

Многое вообще сближает тасманийцев с их соседями — аборигенами Австралии — от способа влезания на деревья с помощью каменного топора и веревки до верования в превращение тотемических предков в камни и скалы.

Именно эти многочисленные этнографические параллели имеют большое значение для раскрытия возможных генетических и культурно-исторических связей тасманийцев с австралийцами. Множество таких параллелей мы находим уже в работах Бонвика, Линг-Рота и других авторов. Невольно возникает вопрос: не предстоит ли здесь перед нами древний пласт общеавстралийской культуры? Немало данных, способствующих исследованию этой сложной и во многом еще загадочной проблемы, мы находим и в дневниках Робинсона.

Сообщения ранних исследователей иногда противоречат друг другу. Так, Дж. Ллойд утверждает, что многоженство было у тасманийцев «всеобщим законом»³. О полигамии у тасманийцев сообщают и другие авторы. Напротив, Робинсон в разных местах своей книги пишет, что многоженство было у них очень редким явлением (стр. 57, 137, 644, 742). Робинсон часто говорит о «вождях»; последние, по его словам, возглавляли охотничьи и военные походы (межплеменные войны возникали по разным поводам). Более того, он называет власть вождей «абсолютной» (стр. 257, 644, 874). Между тем Лабиллардьер, натуралист и историк плавания адмирала Д'Антркасто (1792 г.), пишет о том, что никаких вождей у тасманийцев нет, а Дж. Уэст отмечает, что «их вожди — просто главы семей» и власть их незначительна⁴. Редактор рецензируемой книги, снабдивший дневники Робинсона в целом очень подробными и содержательными комментариями, обходит эти противоречия молчанием. Будущим исследователям еще предстоит объяснить причину таких противоречий в исследованиях о тасманийцах.

Г. Линг-Рот, опираясь на сообщения очевидцев, писал о том, что тасманийцам были известны три способа добывания огня: высеканием искры, т. е. ударами камня о камень, высверливанием и выпаживанием⁵. О добывании огня высеканием пишет и Робинсон (стр. 113). В свою очередь, редактор книги Н. Пломли в примечании на стр. 225 опровергает это утверждение и настаивает на том, что тасманийцы вообще не знали искусственных способов добывания огня. Однако такой взгляд представляется нам бездоказательным и вообще мало вероятным.

Дневники Робинсона — ценный источник сведений не только для тех, кто интересуется историей и этнографией Австрало-Океанической области, но и для всех, кого волнуют проблемы истории первобытной культуры и социогенеза. Подобные издания скрытых в архивах или переиздания ставших библиографической редкостью ранних этнографических источников следует всячески приветствовать. И мы хотели бы выразить нашу благодарность Н. Пломли и его сотрудникам за их большой и нужный труд.

В. Р. Кабо

³ K. T. Lloyd, *Thirty-three years in Tasmania and Victoria*, London, 1862, p. 44.

⁴ J. West, *History of Tasmania*, Launceston, 1852, vol. I, p. 81.

⁵ H. Ling Roth, *The aborigines of Tasmania*, Halifax, 1899, Appendix II. В издании 1890 г. упомянуты только два первых способа (стр. 96—97).